

ФАНТАСТИКА А. КОНАН ДОЙЛЯ

В жанре научной фантастики Конан Дойль выступил в начале десятых годов XX века, уже будучи прославленным писателем, создателем Шерлока Холмса и бригадира Жерара, автором многочисленных романов, повестей и сборников рассказов. И тем не менее это было смелым даже для известного писателя шагом. В это время в литературе научную фантастику представляли Жюль Верн и Уэллс, завоевавшие мировое признание, но создатель Шерлока Холмса попробовал сказать свое слово в этом жанре.

Как и Уэллс, он отрицал какое-либо литературное родство с Жюлем Верном, заявляя, что его никогда не интересовало ни осуществление описываемых им изобретений и открытий, ни фундаментальная обоснованность его фантастических гипотез. Не ставил он перед собой и больших социальных или философских проблем. Еще менее привлекали его популяризаторские задачи. Писателя влекла романтика самого жанра, острота сюжетных конфликтов, создание типических характеров в исключительных обстоятельствах, какие открывались ему в развитии его смелых фантастических допущений.

Эти тенденции и определяют характер фантастики Конан Дойля. У нее нет той научной базы, какая, скажем, типична для творчества Жюль Верна, да и по сравнению с Уэллсом научный багаж его менее весом и более ограничен. Однако и у Конан Дойля, по крайней мере в лучших его фантастических произведениях, мы найдем и элемент научного предвидения и добросовестность научной обработки сюжета.

Фантастическое допущение Конан Дойля в его наиболее известном произведении научно-фантастического жанра — в романе, или точнее, повести «Затерянный мир» (1912 г.) сводится к тому, что где-то в глубине южноамериканской «сельвы», в бассейне Амазонки или ее притоков находится высокогорное плато вулканического происхождения, где естественные природные условия способствовали сохранению флоры и фауны юрского периода. Наряду с игуанодонами, динозаврами и птеродактилями мы встречаем в этой «стране Мепл-Уайта», как назвал свой «затерянный мир» писатель, и представителей фауны более поздних геологических эпох и даже обьязьяно-людей четвертичного периода, видимо, близких к питекантропу. Научно или не научно такое допущение, имеет ли право на существование в научной фантастике такая гипотеза? Что позволило этой повести

пережить свыше полстолетия научного прогресса и не вызывать насмешливой улыбки у современного читателя?

Существование вулканического плато и даже не одного, а нескольких было доказано экспедициями, любительскими и научными. Была даже киноэкспедиция, организованная на средства английского продюсера Миллфорда в начале тридцатых годов. Она привезла снимки отвесных стен плато, но подняться на его поверхность участники экспедиции не сумели. Наблюдали такие плато и летчики бразильской авиации, водившие небольшие транспортные самолеты в отдаленные уголки «сельвы». Никаких следов доисторической жизни и даже человеческих «изолятов» на этих плато обнаружить не удалось.

Замысел «Затерянного мира» родился у Конан Дойля после встречи с полковником Фосеттом, известным английским путешественником и ученым, впоследствии пропавшим без вести в южноамериканских джунглях. Видный французский зоолог, профессор Бернар Эйвельманс в своей книге «По следам неизвестных животных» прямо указывает на то, что основой для увлекательного вымысла Конан Дойля послужили горы Рикардо Франко-Хиллс, расположенные на рубеже Бразилии и восточной Боливии, где побывала в 1908 году экспедиция Фосетта. Далее Эйвельманс приводит следующий отрывок из опубликованных впоследствии писем Фосетта:

«Прямо перед нами возвышались Рикардо Франко-Хиллс с плоскими загадочными вершинами, склоны которых изборождены глубокими расселинами. Время и человек оставили эти вершины в неприкосновенности. Они возвышались здесь, покрытые лесами, словно потерянный мир, и воображение смело могло населить их существами, уцелевшими от давно прошедших веков. За оградой из неприступных скал, избавленные от борьбы с новыми условиями изменяющейся природы, чудовища зари рода человеческого, может быть, продолжали владычествовать здесь — пленники, сберегаемые в мезас¹ словно в естественном заповеднике. Так думал, во всяком случае, Конан Дойль, когда впоследствии в Лондоне я рассказал ему об этих возвышенностях и показывал сделанные мною снимки. Он мечтал написать роман с местом действия в центре Южной Америки и расспрашивал меня о многом. В результате появился его «Затерянный мир», который заслужил столь громкий успех».

¹ Гигантские плоскогорья песчаника, отрезанные от остального мира.

Бернар Эйвельманс решительно подчеркивает, что зоологическая гипотеза Конан Дойля хотя и не имеет прецедентов в ныне существующем мире, все же не столь фантастична, как кажется. «Даже некоторые малопригодные для большинства животных местности могут оказаться надежным убежищем для приспособившихся к этим условиям. Какой-нибудь участок девственного леса, болото, высокая гора, подземная пещера — всюду могут оказаться «затерянные миры». Впереди еще много удивительнейших зоологических открытий».

Таким открытием и оказались совсем недавно обнаруженные гигантские ящерицы на острове Комодо в Зондском архипелаге и современница динозавров кистеперая рыба — «латимерия», выловленная живой в 1938 году в районе Коморских островов в южноафриканских широтах. В домыслах «Затерянного мира» есть, таким образом, элемент научного предвидения, который уже сам по себе может обеспечить долгую жизнь литературному произведению.

Значительно менее удачна в научном отношении другая повесть «челленджеровского» цикла — «Отравленный пояс» (1913 г.), в которой те же герои «Затерянного мира» попадают в зону ядовитого эфира и лишь благодаря принятым профессором Челленджером мерам не теряют сознания, в то время как весь окружающий мир находится в состоянии шока. В основе повести — господствовавшая во времена Конан Дойля ложная гипотеза о мировом эфире как о некоей универсальной среде, заполняющей все мировое пространство. Гипотеза эта, так и не подтвержденная экспериментами, была вскоре отвергнута наукой, как несостоятельная. Но мировая научная фантастика и поныне допускает существование таких ядовитых зон, возникающих в результате особых космических течений, и дань этому допущению отдал известный американский ученый и писатель-фантаст А. Азимов (роман «Космические течения»).

Современная наука внесла поправки и в третью фантастическую повесть Конан Дойля «Открытие Рафлза Хоу», основанную на гипотезе об искусственном создании золота. Мечта алхимиков всех времен и у Конан Дойля остается той же мечтой, как бы ни уверял нас герой повести в ее реальности. Но строит свою мечту он не только на алхимическом песке. Развитие химии во времена Конан Дойля уже позволяло говорить о соединении известных элементов и об открытии новых. Эти открытия и позволили Конан Дойлю построить свою гипотезу о превращении элементов под действием электротока.

Современная наука подтвердила, что мечты алхимика Хоу не лишены основания: золото оказалось возможным добывать химическим путем, но не из фантастического «первозлемента», а из... обыкновенной морской воды. Недавно известному немецкому ученому, профессору Тюбингенского университета д-ру Эрнсту Бауэру удалось создать некое аккумулирующее вещество, с помощью которого он сумел химическим путем получить из океанской воды золото. Пока речь идет, конечно, о лабораторных экспериментах, а не о промышленной добыче золота по этому способу, да еще в масштабах, описанных в повести Конан Дойля, но все же мы не можем отказать писателю в том, что его прогнозы и здесь в какой-то степени подтвердились.

Особняком в фантастике Конан Дойля стоит повесть «Маракотова бездна», вышедшая в 1929 году, за год до смерти писателя. Здесь как будто бы все не научно: и пребывание человека на дне океана в условиях сверхвысоких давлений, и своеобразный подводный «изолят» — государство древних атлантов, не погибших при геологической катастрофе, и способы возвращения современных героев повести из подводного царства на поверхность Атлантики. Но критикам, отказывающим повести в научной достоверности, можно было бы возразить, что сама по себе легенда об Атлантиде до сих пор привлекает и советских и зарубежных фантастов и что вопрос о существовании Атлантиды дебатировался не только в фантастике. До сих пор наука официально не опровергла легенду о жизни и гибели Атлантиды, рассказанную Платоном в его «Диалогах». Нашел же Шлиман Трои, только идя по следам Гомера, так почему бы не найти и Атлантиду, ориентируясь на Платона? Мировая археология все еще не единодушна в этом вопросе.

Повесть писалась задолго до того, когда современные батискафы покорили атлантические глубины, а первое глубоководное погружение было совершено уже после смерти писателя. Но страницы повести, посвященные погружению в стальной кабине Маракота и описания увиденной из этой кабины подводной фауны можно смело сравнить с репортажем Дюма и Кусто в их книге «В мире безмолвия», написанной на основе личного опыта аквалангистов-подводников.

До сих пор речь шла о том, что научно и что не научно в фантастике Конан Дойля, о художественных же ее качествах — о сильных, жизнелюбивых, житейски достоверных характерах, о романтической приподнятости повествования и остроте сюжетных

ситуаций — лучше говорить в связи с остальным творчеством писателя, что и сделано в предисловии к настоящему изданию. Хочется только подчеркнуть, что современник Уэллса, Конан Дойль, уступая во многом своему соратнику на поприще научной фантастики, превзошел его в одном. Уэллс не создал положительного героя: его гении-одиночки жестоки, себялюбивы и равнодушны к людям. Герои Конан Дойля обаятельны, человечны, бескорыстны, смело смотрят в будущее. Даже когда они предполагают, что человечество погибло («Отравленный пояс»), они думают о дальнейшем развитии жизни, о новой эволюции. «Нужны мужи столь сильного закала,— говорит профессор Челленджер,— чтобы покорить природу и стать пионерами истины».

Челленджер — один из любимых героев Конан Дойля и в его творчестве стоит рядом с Шерлоком Холмсом, полноправно разделяя любовь и уважение читателей, а «челленджеровский цикл» Конан Дойля знаком каждому любителю научной фантастики.

Ал. Абрамов